УДК 341.16

Вадим ВОЙНИКОВ

ПРИНЦИП ВЗАИМНОГО ДОВЕРИЯ В ПРАВЕ И ПОЛИТИКЕ ЕС

Статья поступила в редакцию 29.08.2021

Аннотация. Взаимное доверие выступает в качестве одного из центральных принципов функционирования пространства свободы, безопасности и правосудия, а также всего Союза. Несмотря на отсутствие юридического закрепления, указанный принцип получил широкое развитие в судебной практике. Цель настоящей статьи состоит в выявлении правовой и политической составляющих принципа взаимного доверия в рамках ЕС, а также подходов к его имплементации. Сделан вывод, что принцип взаимного доверия зародился в рамках внутреннего рынка, однако наибольшее его развитие связано с построением пространства свободы, безопасности и правосудия. Взаимное доверие в ЕС предполагает, что одно государство-член не нуждается в дополнительной проверке того, насколько другое государство-член соблюдает право Союза. Первоначально принципу взаимного доверия придавали абсолютный характер, однако в постлиссабонский период на смену «слепому доверию» пришла концепция «заслуженного доверия», предполагающая возможность в исключительных случаях отказывать во взаимном доверии другому государству-члену, если последнее допускает нарушение фундаментальных прав. Несмотря на последовательное развитие концепции взаимного доверия со стороны суда ЕС и иных институтов Евросоюза, в последние годы наблюдается серьезный дефицит межгосударственного доверия внутри Союза. В этой связи принцип взаимного доверия все чаще приобретает декларативный характер.

Ключевые слова: взаимное доверие, солидарность, взаимное признание, пространство свободы, безопасности и правосудия; европейский ордер на арест, правовое сотрудничество по уголовным и гражданским делам.

Создание интеграционного образования всегда предполагает высокий уровень доверия между государствами-членами, даже в случае, если данный принцип не получил необходимого юридического закрепления. В последнее время для ЕС указанная проблематика приобрела особое звучание. Именно сейчас все чаще стали говорить о дефиците доверия между государствами-членами, способного подорвать

© **Войников Вадим Валентинович** – д.ю.н., профессор кафедры европейского права Московского государственного института международных отношений МИД России, профессор кафедры международного и европейского права Балтийского федерального университета им. И. Канта. **Адрес:** 119311, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76; г. Калининград, ул. А. Невского, 14. **E-mail:** voinicov@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021144154>

достижения европейской интеграции. Проблема доверия внутри Союза возникала всегда, даже тогда, когда ЕС пребывал в состоянии политического спокойствия, однако в те годы данная проблема носила локальный характер. Сейчас же кризис доверия стал проявляться во многих сферах деятельности ЕС.

Проблема доверия в рамках Евросоюза имеет многосторонний и междисциплинарный характер. Кроме того, в рамках ЕС можно выделить несколько измерений принципа доверия, в том числе доверие между государствами-членами (горизонтальное доверие); доверие между государством-членом и Брюсселем; доверие между гражданами Союза и ЕС (вертикальное доверие); внешнее доверие (доверие со стороны третьих стран и международных организаций) [Mitsilegas, 2020a: 69].

В рамках настоящей статьи речь пойдет о горизонтальном доверии между государствами-членами ЕС. Основной акцент будет сделан на проблеме определения происхождения и природы принципа взаимного доверия, а также механизме его имплементации.

Происхождение принципа взаимного доверия

Вопрос о доверии является актуальным с самого начала процесса европейской интеграции, когда Союз преследовал исключительно экономические цели. Однако усиление интереса к указанной проблематике связано с развитием политической интеграции, начало которой было положено в конце 1980-х гг. В этой связи наибольшее развитие принцип взаимного доверия получил в рамках пространства свободы, безопасности и правосудия (далее – ПСБП).

Принцип взаимного признания был впервые сформулирован в рамках внутреннего рынка по делу *Cassis de Dijon*¹ [Misoski, Rumenov, 2017: 265]. Согласно позиции Суда, в условиях разнообразия национальных стандартов государства-члены обязаны признавать стандарты, принятые в другом государстве-члене, даже если они не соответствуют правилам, действующим в первом государстве.

Возникший в рамках внутреннего рынка принцип взаимного признания в дальнейшем получил свое развитие в области правового сотрудничества по гражданским и уголовным делам [Storskrubb, 2016]. Именно в указанной области принцип взаимного признания, а вместе с ним и принцип взаимного доверия получили наибольшее развитие [Gill-Pedro, Groussot, 2017: 263].

Взаимное доверие тесно связано с принципом взаимного признания, поскольку именно доверие лежит в основе взаимного признания [Efrat, 2019: 69; Auke, 2019: 469]. Такая взаимосвязь между двумя принципами проявляется в том, что ЕС исходит из презумпции того, что все государства-члены в полном объеме соблюдают ключевые принципы и права, являющиеся общими для всего Союза.

Так, в решениях по делам *Zarraga* (п. 70)² и *Jeremy F.* (п. 50)¹ Суд отметил, что

¹ Case 120/7. Judgment of the Court of 20.02.1979. Rewe-Zentral AG (Cassis de Dijon). URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-120/78> (дата обращения: 20.08.2021)

² Case C-491/10. Judgment of the Court (First Chamber) of 22.12.2010. Joseba Andoni Aguirre Zarraga v Simone Pelz. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-491/10> (дата обращения: 15.08.2021)

принцип взаимного признания судебных решений основан на взаимном доверии между государствами-членами в том, что они в полном объеме соблюдают ключевые принципы и основные права, признанные на уровне Европейского союза.

Таким образом, одно государство-член ЕС не должно сомневаться в правильности и обоснованности решений, принимаемых в другом государстве-члене. В этой связи взаимное доверие в рамках Европейского союза предполагает, что одно государство-член не нуждается в дополнительной проверке соблюдения другим государством права Союза.

Фактически принцип взаимного признания порождает экстерриториальность [Mitsilegas, 2019: 568], в силу которой решения, принятые в одном государстве, приобретают обязательный характер на территории всего Союза. Такая система требует высокого уровня межгосударственного доверия. В рамках ЕС государство соглашается с тем, что в ряде случаев национальная правовая система может быть замещена иностранной.

Взаимное доверие в рамках ЕС союза чаще всего ассоциируют с судебным сотрудничеством и политикой в области иммиграции и убежища, тем не менее значение указанного принципа не ограничивается только пределами ПСБП. В настоящее время принцип взаимного доверия можно рассматривать как основу функционирования всего Союза, а также межгосударственного взаимодействия внутри ЕС.

Правовая природа принципа взаимного доверия

Взаимное доверие выступает основой принципа взаимного признания. Кроме того, с принципом взаимного доверия тесно связан принцип солидарности, также выступающий основой существования всего Союза. При этом принцип взаимного признания судебных решений и принцип солидарности имеют вполне конкретное юридическое закрепление.

Принцип солидарности закреплен в нормах Договора о функционировании ЕС (далее – ДФЕС), посвященных политике иммиграции и убежища (статья 80 ДФЕС), экономической политике (статья 122 ДФЕС), охране окружающей среды (статья 194 ДФЕС) и т.д.

Принцип взаимного признания судебных решений зафиксирован в положениях, касающихся общего судебного пространства (статьи 67, 70, 81, 82 ДФЕС).

Принцип взаимного доверия не закреплен в актах первичного права. По мнению Куна Ленартса (Koen Lenaerts), источником взаимного доверия выступает принцип равенства, закрепленный в статье 4 (2) Договора о Европейском союзе (далее – ДЕС) [Lenaerts, 2020: 808]. Равенство в рамках Союза предполагает, помимо прочего, что все государства-члены в равной степени соблюдают основополагающие принципы ЕС, что дает государствам-членам основание доверять друг другу. Кроме того, источником принципа доверия выступает статья 1 ДЕС, закрепляющая принцип сплоченности.

¹ Case C-168/13. Judgment of the Court (Second Chamber), 30.05.2013. *Jeremy F. v Premier minister*. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62013CJ0168> (дата обращения: 15.08.2021)

Ключевую роль в развитии концепции взаимного доверия сыграл Суд ЕС [Wendel, 2019: 18], который определил место данного принципа в правовой системе Союза, порядок применения, а также условия отступления от его требований.

Наибольшее развитие концепция взаимного доверия получила в заключении Суда ЕС (№ 2/13 от 18.12.2014 г.¹ о возможности присоединения ЕС к Европейской конвенции по правам человека, где был дан детальный анализ принципа взаимного доверия в рамках ЕС.

Суд отметил, что «основные характеристики права ЕС привели к появлению структурированной сети принципов, правил и взаимозависимых правовых отношений, связывающих ЕС с государствами-членами, а также государства друг с другом» (п. 167). «Эта правовая структура основана на презумпции того, что все государства-члены придерживаются общего набора ценностей, на которых основан ЕС. Эта посылка подразумевает и оправдывает существование взаимного доверия между государствами-членами в отношении признания этих ценностей и, следовательно, соблюдения законодательства ЕС» (п. 168). Суд также пришел к выводу, что право Союза обязывает государства-члены следовать принципу взаимного доверия (п. 194). Таким образом, Суд ЕС констатировал обязательность данного принципа, фактически придав ему конституционный характер.

Позднее аналогичная позиция была подтверждена в заключении Суда ЕС по делу *Achmea*² [Исполинов, 2021].

Таким образом, принцип взаимного доверия, не имея юридического закрепления, был успешно встроен в систему существующих принципов и ценностей, гарантированных учредительными договорами.

Имплементация принципа взаимного доверия

Проблема имплементации принципа взаимного доверия занимает особое место в системе права и политики ЕС.

Право Союза предполагает наличие доверия между государствами-членами, т.е. исходит из того, что это является само собой разумеющимся. Однако европейское право не регулирует ситуацию, при которой государства перестают доверять друг другу.

Несмотря на высокую степень интеграции внутри ЕС, не все государства-члены готовы безоговорочно доверять друг другу. По этой причине вопрос с практической имплементацией принципа взаимного доверия приобретает особую актуальность.

В рамках правовой системы ЕС государства-члены обязаны следовать принципам взаимного признания и солидарности, а в отдельных случаях ЕС вправе обязать государства-члены соблюдать указанные принципы [Войников, 2019]. Однако механизмы, позволяющие заставить государства доверять друг другу, отсутствуют. Принцип взаимного доверия как фундаментальный принцип ЕС применяют на

¹ Opinion of the Court (Full Court) No 2/13 of 18.12.2014. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-2/13> (дата обращения: 15.08.2021)

² Case C-284/16. Judgment of the Court of 6.03.2018. *Slowakische Republik v Achmea BV*. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-284/16> (дата обращения: 15.08.2021)

практике через иные принципы, например, солидарности и взаимного признания судебных решений. Принцип взаимного доверия особенно востребован в тех областях, где уровень унификации и гармонизации законодательства недостаточно высок. В таких условиях Союзу необходимо обеспечить эффективное функционирование автономной правовой системы ЕС при сохранении разнообразия национального права [Mitsilegas, 2020b]. Для решения такой задачи ключевым инструментом выступает принцип взаимного доверия. Кроме того, взаимное доверие является необходимым условием для создания пространства без внутренних границ [Rizcallah, 2019: 37], поскольку существенно расширяет возможности трансграничного сотрудничества в правоохранительной сфере.

Анализ судебной практики свидетельствует об изменении подхода суда к принципу взаимного доверия. Если раньше суды придерживались концепции «слепого доверия» (*blind trust*), при котором государства-члены фактически лишались возможности сомневаться в надлежащем соблюдении права Союза в другой стране ЕС, то в более поздних судебных актах приоритет отдавался концепции «заслуженного доверия» (*earned trust*) [Lenaerts, 2017: 805–806], при которой государства используют соответствующий механизм, предполагающий взаимное доверие, лишь в том случае, если отсутствуют обоснованные сомнения в надлежащем уровне защиты фундаментальных прав в другом государстве.

В деле *Gözütok u Brügge*¹, касающемся применения принципа *ne bis in idem*, Суд ЕС пришел к выводу, что в силу принципа взаимного доверия «каждое государство-член признает уголовное право, действующее в других государствах-членах, даже если результат был бы другим при применении его собственного национального права» (п. 33). Суд ЕС исходил из того, что в условиях сохранения различных национальных систем уголовного права, государства-члены обязаны признавать иностранное право, даже если оно отличается от национального. Данный подход в полной мере отражает смысл официального девиза ЕС «Единство в многообразии».

При рассмотрении дела *Mantello*² Суд ЕС отметил, что Европейский ордер на арест (далее – ЕОА) основан на высоком уровне доверия (п. 10), и в силу принципа взаимного признания государства-члены обязаны признавать ЕОА (п. 36), а отказ в его исполнении возможен только по основаниям, предусмотренным законодательством (п. 37). Схожий подход Суда был подтвержден в ряде других дел, касающихся функционирования ПСБП [Auke, 2019: 472]. ЕОА занимает особое место в контексте применения принципа взаимного доверия, поскольку право Союза обязывает исполняющее государство осуществлять выдачу любых лиц, включая собственных граждан. Следовательно, исполняющее государство должно быть уверено в том, что, передавая своего гражданина правоохранительной системе другой страны, будет обеспечено соблюдение его фундаментальных прав.

¹ Joined cases C-187/01 and C-385/01. Judgment of the Court of 11.02.2003. Hüseyin Gözütok and Klaus Brügge. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-187/01> (дата обращения: 20.08.2021)

² Case C-261/09 – Mantello. Judgment of the Court of 16.11.2010. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-261/09> (дата обращения: 15.08.2021)

Таким образом, в своих ранних решениях Суд ЕС придерживался приоритетного принципа взаимного доверия, не оставляя возможности для его оспаривания. Фактически Суд ЕС придал принципу взаимного доверия абсолютный характер.

Однако позднее Суд скорректировал свою позицию. Определенную роль в этом вопросе сыграл Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). В рамках дела *М.С.С. против Бельгии и Греции*¹, связанного с применением Дублинского регламента, ЕСПЧ пришел к выводу о том, что Бельгия не имела права передавать просителя убежища в Грецию, поскольку система предоставления убежищ в Греции имела существенные недостатки, порождающие риск высылки в страну происхождения.

ЕСПЧ, признавая важность принципа взаимного доверия, посчитал, что применение данного принципа не может умалять гарантии, предусмотренные Европейской конвенцией по правам человека (ЕКПЧ). Иными словами, ЕСПЧ подверг сомнению абсолютный характер принципа взаимного доверия в рамках ЕС.

Дублинский регламент устанавливает критерии определения государства, ответственного за рассмотрение ходатайства об убежище, независимо от места нахождения просителя убежища и места подачи ходатайства. Если ходатайство об убежище подано в государстве, отличном от того, которое ответственно за его рассмотрение, то первое государство обязано передать просителя убежища в ту страну, которая должна рассмотреть ходатайство по существу. Таким образом, Дублинская система основана на принципе взаимного доверия, поскольку государство-член, передавая просителя убежища в другую страну Евросоюза, должно быть уверено в том, что прошение об убежище будет рассмотрено в строгом соответствии с действующими международными и наднациональными стандартами.

Спустя несколько месяцев правовая позиция, сформулированная ЕСПЧ, была подтверждена Судом ЕС. В рамках дела *N.S.*² было отмечено, что «государства-члены не могут передавать просителя убежища ответственному государству-члену в соответствии с Дублинским регламентом в том случае, если системные недостатки в процедуре предоставления убежища и в условиях приема просителей убежища в этом государстве-члене позволяют прийти к выводу о том, что соискатель убежища столкнется с реальным риском подвергнуться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению». Таким образом, исполнение норм права ЕС, основанных на принципе взаимного доверия, осуществляется только при отсутствии серьезных оснований наличия в другом государстве-члене нарушений фундаментальных прав, которые должны иметь системный характер и подлежать индивидуальной оценке в каждом деле. При этом Суд ЕС подтвердил презумпцию взаимного доверия, которое выступает в качестве смысла существования (*Raison d'être*) самого Союза и ПСБП, в частности (п. 83).

¹ ECtHR. *M.S.S. v. Belgium and Greece* [GC]. Application no. 30696/09. Judgment of 21.01.2011. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-103050%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-103050%22]}) (дата обращения: 15.08.2021)

² Joined cases C-411/10 and C-493/10. Judgment of the Court of 21.12.2011. *N.S and Others*. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/SUM/?uri=CELEX:62010CJ0411> (дата обращения: 15.08.2021)

Аналогичная правовая позиция была подтверждена при рассмотрении преюдициального запроса по делу *Aranyosi u Căldăraru*¹, связанного с исполнением ЕОА, где Суд ЕС пришел к выводу о том, что, «если исполняющий орган установит, что риск бесчеловечного или унижающего достоинство обращения сохраняется в запрашивающем государстве, то исполнение ЕОА должно быть приостановлено» (п. 98). В данном деле Суд ЕС подтвердил свою позицию, согласно которой взаимное доверие в рамках Евросоюза не является абсолютным и безусловным [Bovend'Eerd, 2016: 117]. При этом Суд отметил, что отступление от принципа взаимного доверия может иметь место только в исключительных случаях (п. 82).

Таким образом, подход о возможности отступления от принципа взаимного доверия, выработанный в рамках политики предоставления убежища, был впоследствии использован в сфере правового сотрудничества по уголовным делам. Однако это произошло не сразу. В 2013 г. при рассмотрении преюдициального запроса по делу *Radu*², связанного с исполнением ЕОА, Суд ЕС признал невозможным отказ в исполнении ордера по причине нарушения прав на справедливое судебное разбирательство, гарантированных Хартией об основных правах. Данное дело было рассмотрено в январе 2013 г., т.е. уже после прецедента по делу *N.S.* Примечательно, что Генеральный адвокат со ссылкой на данный прецедент занял принципиально иную позицию³.

Таким образом, если в долиссабонский период Суд ЕС исходил из непоколебимости принципа взаимного доверия между государствами-членами, то в более поздних решениях Суд стал придерживаться позиции, согласно которой применение принципа взаимного доверия может быть ограничено [Anagnostaras, 2020]. Следовательно, принцип взаимного доверия оказался достаточно гибким [Maiani, Migliorini, 2020: 11], что не характерно для основополагающих принципов.

Очевидно, что одной из главных причин изменения подхода Суда ЕС по вопросу имплементации принципа взаимного доверия послужило то, что после вступления в силу Лиссабонского договора Хартия ЕС об основных правах приобрела юридическую силу, равную учредительным договорам. Соответственно, все правовые механизмы, действующие в рамках Союза, должны применяться с учетом положений Хартии, которая имеет приоритет над принципом взаимного доверия.

Более того, не последнюю роль в этом сыграл и ЕСПЧ, который вправе осуществлять проверку соответствия действий государств-членов, исполняющих законодательство ЕС, положениям ЕКПЧ, членами которой являются все страны Союза.

¹ Joined Cases C-404/15 and C-659/15 PPU. Judgment of the Court of 5.04.2016. Pál Aranyosi and Robert Căldăraru v Generalstaatsanwaltschaft Bremen. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:62015CJ0404> (дата обращения: 20.08.2021)

² C-396/11. Radu. Judgment of the Court, 29 January 2013. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-396/11&language=EN> (дата обращения: 20.08.2021)

³ Case C-396/11. Opinion of advocate general Sharpston, 18.10.2012. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=128661&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=1317918> (дата обращения: 20.08.2021)

Наконец, изменение позиции Суда ЕС в отношении принципа взаимного доверия произошло в ситуации, когда все отчетливее стали проявляться признаки снижения уровня доверия внутри Союза. Принятие судебного акта по делу *N.S.* совпало с периодом миграционного кризиса 2011 г., который обнажил существенные противоречия между государствами-членами, в том числе в отношении взаимного доверия и солидарности [Войников, 2013: 84–85]. В связи с этим, политическая ситуация в ЕС, связанная с возникновением дефицита доверия, также оказала определенную роль на корректировку судебной практики.

Говоря о политической стороне этого вопроса, следует отметить, что в настоящее время в ЕС все отчетливее проявляется дефицит взаимного доверия. При этом снижение уровня доверия наблюдается как в рамках ПСБП, где удалось создать основанные на взаимном доверии юридически обязательные инструменты, так и за его пределами.

Дефицит доверия внутри ЕС особо остро ощущается в кризисные моменты, в частности, в период обострения миграционного кризиса [Lang, 2020: 58], пандемии коронавируса и т.д. Однако идеальная картина взаимного доверия стала тускнеть еще раньше, когда Союз стал активно развивать политику в сфере судебного сотрудничества.

Несмотря на успешную интеграцию в экономической сфере, государства-члены ЕС придерживаются разных стандартов правоприменительной деятельности, и качество правосудия в странах Европейского союза может отличаться. В некоторых государствах-членах ЕС существует явный риск нарушения принципа верховенства закона, а также иных основополагающих ценностей¹. По этой причине и в общественном сознании, и на политическом уровне все чаще проявляется негативное отношение к идее безусловного межгосударственного доверия. В этой связи следует упомянуть дело *Artur Celmer (LM)*², в рамках которого Суд ЕС посчитал, что нарушение принципа независимости судебной системы в Польше может служить основанием для отказа в исполнении ЕОА. Таким образом, основания для отступления от принципа взаимного доверия стали еще более размытыми и политически мотивированными.

В последнее время проблема дефицита взаимного доверия стала усиливаться. Одним из серьезных испытаний для взаимного доверия внутри ЕС послужила пандемия коронавируса. Столкнувшись с беспрецедентной ситуацией, а также замедленной реакцией со стороны институтов Евросоюза, государства-члены стали действовать по принципу «каждый за себя», что еще более усугубило кризис доверия внутри ЕС. В свою очередь, это послужило поводом для выстраивания пессимистических сценариев дальнейшего развития Союза. Такая реакция во многом имела

¹ Scheppele K. L., Pech L., Platon S. Compromising the Rule of Law while Compromising on the Rule of Law, *VerfBlog*, 2020/12/13, <https://verfassungsblog.de/compromising-the-rule-of-law-while-compromising-on-the-rule-of-law/> (дата обращения: 20.06.2021)

² Case C-216/18 PPU. Judgment of the Court of 25.07.2018. LM. Request for a preliminary ruling from High Court (Ireland). URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&td=ALL&num=C-216/18%20PPU> (дата обращения: 23.09.2021)

эмоциональный характер, тем не менее, она отражает достаточно глубокие расхождения в понимании сущности интеграционной модели со стороны различных государств.

Дефицит доверия внутри ЕС приводит к ситуации, когда государства-члены начинают по-своему трактовать исполнение своих обязательств, вытекающих из членства в Союзе. Нередко отдельные государства-члены ЕС фактически отказываются исполнять принятые на уровне Брюсселя решения, полагая, что последние противоречат их национальным интересам. Все это способно подорвать единство Евросоюза и свести на нет основные достижения европейской интеграции. Таким образом, дальнейшее снижения уровня доверия внутри ЕС может иметь разрушительные последствия для всего Союза.

Заключение

Принцип взаимного доверия выступает в качестве фундамента и смысла существования всего ЕС. При этом в наибольшей степени данный принцип оказался востребованным в рамках ПСБП, где право Союза достаточно глубоко проникло в те сферы, которые в наибольшей степени затрагивают национальный суверенитет. На понятии доверия основываются такие ключевые положения ПСБП, как принцип взаимного признания судебных решений и принцип солидарности.

Взаимное доверие получило достаточно широкое развитие в судебной практике ЕС. В ранних решениях Суд ЕС исходил из непоколебимости взаимного доверия. После вступления в силу Лиссабонского договора и придания юридической силы Хартии об основных правах подход к принципу взаимного доверия изменился. Признавая за ним основополагающую роль в развитии интеграции, Суд ЕС допустил возможность исключений из принципа взаимного доверия при наличии обоснованных сомнений в надлежащем уровне защиты фундаментальных прав.

Тем не менее Суд ЕС последовательно рассматривает взаимное доверие в качестве фундаментального принципа Евросоюза, который может быть проигнорирован лишь в исключительных случаях, когда под угрозой находятся права человека.

Однако подход к принципу взаимного доверия, выработанный судебной практикой, не всегда отражает реальную картину, складывающуюся в межгосударственных отношениях внутри Союза. Фактически взаимное доверие оказалось действенным только в рамках Пространства свободы, безопасности и правосудия (ПСБП) благодаря выстроенным на его основе правовым механизмам. В данной сфере можно наблюдать снижение эффективности созданных механизмов вследствие частичной утраты доверия. За пределами ПСБП принцип взаимного доверия имеет главным образом декларативный характер, поскольку в реальных межгосударственных отношениях он проявляется все реже.

В этих условиях ЕС озабочен проблемой возвращения государств-членов в атмосферу взаимного доверия, что нередко могут сопровождать меры принудительного характера. Однако взаимное доверие по своей природе не может быть принудительным.

События последних лет показали, что далеко не всегда Союзу удавалось обеспечить надлежащее исполнение государствами-членами действующего законодательства, в этой связи принуждение к взаимному доверию кажется достаточно

сложной задачей. Тем не менее задача восстановления взаимного доверия внутри ЕС стоит очень остро, и от качества ее решения во многом зависит будущее всего Союза.

Список литературы

Войников В.В. (2019) От Средиземноморья до Балтики: проблема имплементации принципа солидарности в рамках политики ЕС в области иммиграции и убежища. *Балтийский регион*. Т. 11. № 2. С. 17–31.

Войников В.В. (2013) Кризис в Европе и проблема реформирования законодательства в сфере европейского пространства свободы, безопасности и правосудия. Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения. Под ред. Ал. А. Громыко. Ин-т Европы РАН, Москва. С. 82–93.

Исполинов А.С. (2021) Принципы автономности и приоритета права ЕС как оружие Суда Европейского союза в конфликте с инвестиционными арбитражами. Часть 1. Дело Achmea. *Российский юридический журнал*. № 2. С. 56–77.

References

Anagnostaras G (2020) The Common European Asylum System: Balancing Mutual Trust Against Fundamental Rights Protection. *German Law Journal* 21, pp. 1180–1197.

Auke W. (2019) The Court of Justice of the European Union's Mutual Trust Journey in EU Criminal Law: From a Presumption to (Room for) Rebuttal. *German Law Journal*. 20 (4), pp. 468–495.

Bovend'Eerdt K. (2016) The Joined Cases Aranyosi and Căldăraru: A New Limit to the Mutual Trust Presumption in the Area of Freedom, Security, and Justice? *Utrecht Journal of International and European Law* 32(83), pp.112–121.

Efrat A. (2019) Assessing mutual trust among EU members: evidence from the European Arrest Warrant. *Journal of European Public Policy*, 26:5, pp. 656–675.

Gill-Pedro E., Groussot X. (2017) The Duty of Mutual Trust in EU Law and the Duty to Secure Human Rights: Can the EU's Accession to the ECHR Ease the Tension? *Nordic Journal of Human Rights*. Vol. 35, No 3, pp. 258–274.

Ispolinov A.S. (2021) Principy avtonomnosti i prioriteta prava ES kak oruzhie Suda Evropejskogo soyuza v konflikte s investicionnymi arbitrazhami. Chast 1. Delo Achmea [The principles of autonomy and priority of EU law as a weapon of the European Court of Justice in the conflict with investment arbitration. Part 1. Achmea case]. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal*. No 2, pp. 56–77. (In Russian).

Lang I.G. (2020) No Solidarity without Loyalty: Why Do Member States Violate EU Migration and Asylum Law and What Can Be Done? *European Journal of Migration and Law*, No 22, pp. 39–59.

Lenaerts K. (2017) “La Vie Après l’Avis: Exploring the Principle of Mutual (yet not Blind) Trust”, *Common Market Law Review*. No 54, pp. 805–840.

Maiani F., Migliorini S. (2020) One principle to rule them all? Anatomy of mutual Trust in the law of the Area of freedom, security and Justice. *Common Market Law Review*. No 57, pp. 7–44.

Misoski, B.; Rumenov, I. (2017) The Effectiveness of Mutual Trust in Civil and Criminal Law in the EU. EU and Comparative Law Issues and Challenges Series, 1, pp. 364–390.

Mitsilegas V. (2019) The European Model of Judicial Cooperation in Criminal Matters: Towards Effectiveness based on Earned Trust. *Rev. Bras. de Direito Processual Penal*. vol. 5. No 2, pp. 565–595.

Mitsilegas, V. (2020a) “Trust.” *German Law Journal*, vol. 21. No. 1, pp. 69–73.

Mitsilegas V. (2020b) Autonomous concepts, diversity management and Mutual trust in Europe’s area of criminal justice. *Common Market Law Review*, No 57, pp. 45–78.

Rizcallah C. (2019) The challenges to trust-based governance in the European Union: Assessing the use of mutual trust as a driver of EU integration. *Eur Law J*. No 25, pp. 37–56.

Storskrubb E. (2016) Mutual recognition as a governance strategy for civil justice. EU civil justice: current issues and future outlook. Edited by B. Hess and others, pp. 299–318.

Voynikov V.V. (2013) Krizis v Evrope i problema reformirovaniya zakonodatel'stva v sfere evropejskogo prostranstva svobody, bezopasnosti i pravosudiya [Crisis in Europe and reform of the EU area of freedom,

security and justice law]. *Bol'shaya Evropa v global'nom mire: novye vyzovy – novye resheniya*. Pod red. Al. A. Gromyko. In-t Evropy RAN, Moscow, pp. 82–93. (In Russian).

Voynikov V.V. (2019) *Ot Sredizemnomor'ya do Baltiki: problema implementacii principa solidarnosti v ramkah politiki ES v oblasti immigracii i ubezhishcha* [From the Mediterranean to the Baltic: the problem of implementing the principle of solidarity in the EU area of immigration and asylum]. *Baltiiskij region*. T. 11. No 2, pp. 17–31. (In Russian).

Wendel M. (2019) Mutual Trust, Essence and Federalism – Between Consolidating and Fragmenting the Area of Freedom, Security and Justice after LM. *European Constitutional Law Review*, No 15, pp. 17–47.

The Principle of Mutual Trust in EU Law and Policy

Received 29.08.2021

Author: Voynikov V., Doctor of Science (Law), MGIMO-University, Professor, Chair on European Law; I. Kant Baltic Federal University, Professor, Chair on International and European Law. **Address:** 76, Pr. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119311; Ul. A. Nevskogo, 14, Kaliningrad, Russia. **E-mail:** voynicov@yandex.ru

Abstract. Mutual trust is one of the central principles of the area of freedom, security and justice and the whole EU. Despite the fact that mutual trust is not stipulated in founding treaties, this principle has been widely developed by the European Court of Justice. The purpose of this article is to identify the legal and political components of mutual trust in the EU, as well as the approaches to its implementation. The author comes to the conclusion that the principle of mutual trust originated from the internal market, however its development is mostly associated with the area of freedom, security and justice. Mutual trust in the EU presupposes that a member state does not need additional verification that another member state respects Union law and fundamental rights. Initially, the principle of mutual trust was given the absolute character, but in the post-Lisbon period, “blind trust” was replaced by the “earned trust”, which implies the possibility, in exceptional cases, to refuse mutual trust to another member state if the latter violates fundamental rights. Despite the development of the concept of mutual trust by the European Court of Justice and other EU institutions, recently there has been a serious deficit of interstate trust within the Union. In this regard, the principle of mutual trust is becoming declarative.

Key words: mutual trust, solidarity, mutual recognition, area of freedom, security and justice, European arrest warrant, judicial cooperation in criminal and civil matters.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021144154>